

Маргарита Сергеевна Дыгина

Работала в ЛИТМО с 1961 года.
С 1973 года была назначена на должность зав. кафедрой иностранных языков. В 1993 году переведена на должность доцента той же кафедры.
В 1996 году уволилась по собственному желанию. Перешла работать учителем немецкого языка в 387-ю школу-лицей Кировского района. Уволилась в 2004 году.

МОЯ БЛОКАДА

Моим дорогим родным посвящается

21 июня 1941 года, субботний вечер, скоро надо ложиться спать... Завтра меня ожидает такой замечательный день! Моя двоюродная сестра сказала, что мы пойдем в кино на утренний сеанс в кинотеатр «Искра». Там шел фильм «Дети капитана Гранта». Затем дома позавтракаем и отправимся погулять. Мы жили тогда на Смольном проспекте у самой Невы, там, где связал ее берега великолепный Охтинский мост. Жили мы в одной квартире с маминной старшей сестрой Ольгой Михайловной Соковой. У неё было три дочки: старшие уже закончили Ленинградский университет, их звали Тамочка и Милочка (сестрички-фиалочки – так называла их я). Третья – Вика – училась в институте кинематографии и страстно любила кино. А я, их четвертая барышня, только что закончила четвертый класс.

Семью тети Оли (в квартире было пять комнат) попросили потесниться, и тетя Оля выбрала из всех зол меньшее: позвала к себе жить моих родителей. Я не знаю, одобряла ли она позже свое решение, но мне жилось там хорошо.

Меня любили сестры, тетя Оля, ее муж дядя Саша и уж, конечно, мои родители, а я любила их всех.

В это время мой папа – Яковлев Сергей Константинович – находился на сборах (военный призыв на пару месяцев гражданских специалистов). Он должен был вернуться в начале июля, после чего мы бы поехали на дачу к нашим родственникам, в деревню Вороново (по Московской железной дороге).

Итак, счастье просто ослепляло меня своей улыбкой. Солнечным и ярким днем 22 июня 1941 года мы возвращались из кинотеатра, фильм был и вправду замечательный (помню хорошо Николая Черкасова в роли Паганеля). Вика подтрунивала надо мной, вспоминая, как я закричала на весь зал, когда огромная птица кондор унесла с корабля Роберта. И тут мы увидели у уличных репродукторов толпу людей и услышали какую-то громкую, тревожную речь. Мы поспешили подойти поближе и услышали обращение правительства к народу, в котором сообщалось о вероломном нападении гитлеровских полчищ на нашу Родину.

Мы выслушали дважды и испуганные, грустные поспешили домой. Дома все всё уже знали.

Прошло несколько дней, и мы получили письмо от папы, в котором он сообщал, что остается на месте сборов и домой приехать не сможет. Началось тревожное военное лето. Газеты, радио не приносили утешительных новостей с фронтов. Все, в том числе и моя мама (Яковлева Людмила Михайловна), занялись закупкой продуктов впрок. Но у нас было мало денег, так как отца еще не перевели на военное довольствие, и он не мог прислать нам их. Позже как-то всё утряслось, и мы смогли немного подзатариться.

Немцы, тем временем, продвигались и продвигались вглубь страны. Каждый день мы слушали вести с фронта и узнавали о новых захватах наших городов, к сентябрю немецкие войска оказались вблизи Ленинграда. К бомбежкам города добавились еще и обстрелы... Стук метронома и вой сирены, возвещавшие об очередном обстреле или бомбежке, до сих пор звучат в моих ушах. При сигнале воздушной тревоги дети до 12 лет и старики должны были спускаться в бомбоубежище, остальные занимали посты на лестничных клетках или чердаках, чтобы уберечь дома в случае попадания зажигательных бомб. Всё было заранее распределено, каждый знал свое местонахождение.

За летние месяцы были построены оборонительные сооружения вокруг города силами гражданского населения. От нашей семьи на эти работы были направлены две мои сестры (Вика и Мила). Тамочка не могла принять участие, так как она ожидала ребенка. И он (вернее, она), родилась 15 сентября 1941 года. В этот день был массированный обстрел Ленинграда (как мы шутили – салют в честь маленькой). Обстрелы всё чаще заменяли воздушные налеты. От разрывов снарядов гибло много людей, особенно тех, кто работал в укрепрайонах. К этому времени перестали ходить трамваи, меньше стало машин (берегли горючее). Все перевозки, в основном, осуществлялись гужевым транспортом. Выручали лошадки, они тоже гибли. Что же происходило? Никто толком тогда не знал. Говорили, что Гитлер высоко ценил наш Ленинград, считал его настоящим европейским городом и хотел сохранить для своей будущей империи. Я не знаю, насколько эта версия справедлива, но в действительности пострадали лишь некоторые архитектурные памятники и то незначительно. От налетов и обстрелов больше всего доставалось заводам, жилым домам, госпиталям и больницам. Что касается населения, то оно само вымрет от голода, холода и болезней. Так объясняли уменьшение количества бомбежек с воздуха. В газетах печатали призывы превратить город в неприступную крепость, а каждую улицу и площадь – в бастионы. И город укрепляли, ставили надолбы, ежи, и люди тоже становились крепостями. В эти страшные блокадные дни они вынесли такие нравственные и физические страдания, которые ранее и представить себе не могли.

В сентябре начинались занятия в школе. Будет ли работать школа? «Да, – отвечали нам в школе, – занятия будут». Наша школа находилась рядом с домом. Это бывшая 5-я гимназия, в мое время общеобразовательная 157-я школа Смольнинского района. В школу вместо четырех четвертых классов в пятый класс пришло только чуть больше 30 ребят. Организовали 2 пятых класса. Но учились мы недели три, не более. Бомбежки, обстрелы, отсутствие электроснабжения, а затем и холод, вынудили распустить учащихся по домам со строгим приказом собрать вещи для срочной эвакуации на Большую землю. Мне этого не хотелось. Я любила маму, семью, была очень домашней и с трудом представляла себе, как я сумею оторвать себя и от дома и от семьи, где мне так хорошо жилось. Мама тоже никак не могла решиться на расставание со мной. С папой она не могла посоветоваться, писем от него мы не получали и не знали, где он и что с ним. Тогда она пошла за советом к моему крестному. Это был её родной брат – Иван Михайлович Хазов, ему было уже более 45 лет и он не подлежал призыву, работал на заводе мастером. На вопрос мамы, что делать с эвакуацией, он ответил однозначно: «Нет, не отсылай Ритуху никуда, как-нибудь пробьемся. А уж если умирать придется, так помрем вместе». И позвал маму жить в наше другое семейное гнездо на улице Маяковского, дом 1. Там жили моя бабушка, её четверо сыновей: кроме крестного, Борис Михайлович, Орест Михайлович, Николай Михайлович, две невестки бабушки (тетя Вава и тетя Маня) и два моих двоюродных брата – Дима (на 5 лет младше меня) и Миша (старше меня на 5 лет). Свое приглашение он обосновал так: «Там у Ольги и так один кормилец на пятерых, а у нас все-таки четверо мужиков. Мы как-нибудь тебя и Ритуху вытянем». Мама с благодарностью приняла приглашение и вскоре мы переехали в другую семью наших родных. Здесь я должна объяснить, что после начала войны большинство ленинградских женщин остались без работы, так как многие предприятия были эвакуированы, а многие просто закрылись. Найти работу осенью 1941 года и зимой 1942-го было практически невозможно.

Дядя Саша (Александр Ильич Соков) был полковником штаба Ленинградского округа. Военные получали дополнительный паек. Но одного пайка на такую семью, мягко говоря, маловато. Муж моей сестры Таммы был геологом и весной 1941 года уехал в геологическую экспедицию. Связи с ним не было никакой. Моя мама и мои тетушки зимой 1941/1942 тоже не работали. Моя бабушка Анна Тимофеевна Хазова перенесла инсульт, когда узнала о начале войны. Ходить она не могла, но она оставалась главой семьи, ибо голова ее была ясной, ее все очень любили, слушались и почитали, хотя многое пытались скрыть, чтобы не расстраивать ее лишним раз.

Жили мы все очень дружно, одной семьей. Становилось все труднее с пропитанием. Отоваривали по карточкам только хлеб. Нормы хлеба всё уменьшались. Продуктовые карточки делились на категории: рабочая карточка, карточка служащего, детская карточка, карточка иждивенца. Если в начале войны норма хлеба по рабочей карточке составляла 600 граммов, то к середине января она постепенно дошла до 350 граммов, карточка служащего – 300, детская – 200, карточка иждивенца – 125.

Исчезали из отоваривания один продукт за другим (крупы, сахар, растительное масло). Где-то к ноябрю остался один только хлеб. 125 граммов хлеба и всё, на целый день. К счастью, наша семья сумела быть вместе и помогать друг другу. Каждый день две наши женщины шли вместе за хлебом. Очень часто приходилось стоять в очереди очень долго, так как хлеб привозили далеко не всегда в одно и то же время. Стояли, сменяя друг друга, чтобы погреться. Еще и боялись, что карточки отберет кто-то из отчаявшихся и оголодавших. Такое тоже случалось. Хлеб они выкупали сразу на все карточки – их было у нас 9, по числу живших в квартире. Хлеб приносили домой и делили на 9 равных частей, каждую часть еще на 2 половинки, чтобы хватило на вечер и на утро. Каждую порцию резали на тоненькие кусочки и жарили на олифе. Олифа – это натуральное льняное масло, которое специально изготавливали в мирное время для разбавления масляных красок. Запах жареной олифы не для слабонервных, но это только в начале, а потом привыкаешь. А главное, понимаешь, что организму нужны жиры. К хлебу кипятили воду и заваривали на каких-нибудь травах (из тех, что удалось закупить в аптеках). На обед варили студень из столярного клея. Продавался он в плитках сероватого цвета, изготавливали его в мирное время из рогов и копыт. Эти плитки кололи на мелкие кусочки и заливали кипятком, оставляя на ночь. Утром долго варили, добавляя соль и, если были, какие-нибудь специи. Опять-таки, вкусовые качества и запах не очень манили к застолью, но зато полезно – белки.

Здесь мне вспоминается забавная история из жизни нашей семьи. Однажды кто-то затосковал по горчишке к студню. И вдруг дядя Боря пообещал нам горчицу. Мы и поверить не могли. Но прошла неделя, и на столе появился горшочек с горчицей, готовой к употреблению. Что за чудо? Откуда? Оказывается, дядька нашел аптеку, где еще сохранились горчичники, закупил, сколько смог, замочил их в воде, вытащил отмокшую бумагу и дал горчичной воде настояться. Очень неплохая вещь получилась, и наш студень стал намного съедобнее. Готовили еще вареный жмых (выжимки из соевых бобов). Соевое молоко распределяли по талонам больным и детям, а выжимки можно было купить на рынке. Продавали еще дуранду (тоже жмых, кажется, из льняных семечек), танковый жир (животные жиры, которые шли на смазку танков). Чтобы закончить рассказ о нашем пропитании, я приведу здесь мнение моей бабушки. Как я уже писала, она была больна. Она была уважаема и любима своими детьми. Ей всегда готовили отдельно и, насколько возможно, получше. Она покорно и терпеливо ела поданное ей, но пару раз не удержалась и спросила: «Почему вы кормите меня такой гадостью?» (Я не заимствовала эту фразу из фильма «С легким паром» Эльдара Рязанова, он, думаю, тоже. Значит, простое совпадение.)

И еще о пропитании. В семье моих дядек жили кот Жулик и песик Джек. В начале голодухи дядькам удалось раздобыть конины – ударом снаряда была убита лошадь недалеко от нашего дома. Конечно –

повезло! Нажарили мяса, все поели и еще вдоволь накормили своих ненаглядных животных. Но тогда, к сожалению, все были неучеными и не знали, что после длительного недоедания нельзя много есть. Бедные животные скончались на другое утро от переедания. Правда, они и так погибли бы от голода. Практически все кошки и собаки в Ленинграде были съедены уже в сентябре-октябре. Упрекать тут некого, «дело житейское». У нас в семье получилась другая история...

Мой двоюродный брат Димка больше всех переживал гибель домашних животных. Он был мой подопечный, мы были практически неразлучны: я читала ему сказки, мы вместе рассматривали «Ниву» (в коридоре стоял сундук с этими журналами и шкаф с книгами), мы даже создавали кукольный театр – коробка из-под обуви, занавес, вырезанный из яркого лоскута, раскрашенные актеры из картона на ниточках – и театр готов. Однажды Димка увидел на кухонном ящике голубя и стал просить поймать его. Ему так хотелось погладить птицу, подержать её в руках, почувствовать тепло живого существа. «Я только поглажу его, и мы сразу отпустим», – просил он. Ну что же? Сказано – сделано. Собрали немного крошек и зернышек, я сделала петельку и забросила ее поверх ящика. Голубь увидел зернышки и забыл об осторожности. Один рывок – и ножка голубя в петле. Счастливый Димка держит в руках голубя, прижимается к нему щекой, и вдруг в кухню входит дядя Орик. Он служил в то время военным шофером в Ленинградском центральном госпитале и иногда навещал нас. Он был также голоден, как и все мы. Увидев голубя, он подошел к нам и взял его в руки. Я заглянула ему в лицо, и тут мне всё стало ясно. «Отдай мне голубя», – попросила я его. «Зачем? Мы из него такой суп сварим!» – был ответ. Я кинулась за помощью к маме, но все уговоры отдать голубя были напрасными. «Ты такая же дура, как и твоя дочь», – ответил он. Оставалась одна бабушка. К ней нам, детям, запрещено было ходить, чтобы не тревожить ее. Но я нарушила все запреты и кинулась к ней в комнату. «Помоги мне, бабуленька!» – умоляла я, рассказав ей всю историю. «Позови сюда Ореста», – сказала бабушка. Пришел дядя Орик с птицей в руках. «Отдай детям голубя», – прозвучал бабушкин приказ. Дядя Орик беспрекословно передал мне птицу. «А ты запомни, – обратилась она ко мне, – птица не игрушка, выпусти ее немедленно». Счастливые, мы охотно выполнили распоряжение и молча торжествовали свою победу.

Наступил январь 1942 года. Мы с Димкой украсили елочными игрушками бабушкин фикус, как-то отметили все вместе Новый год, но, тем не менее, наступало самое страшное время для нас, блокадников. Зима была очень снежной и очень холодной. Холод преследовал нас повсюду – и на улице и дома. В целой квартире мы топили только плиту и комнату, где лежала бабушка. Дровами для топки была сначала мебель, ее было не так уж много. Но появилась возможность заработать дрова: по распоряжению исполкомов стали сносить деревянные дома и заборы, в то время в Питере их было еще очень много. Жильцов, если таковые были, переселяли в пустующие каменные дома. Можно было присоединиться к сносу потенциальных дров. Этот труд взял на себя мой старший двоюродный брат Миша, ему уже шел семнадцатый год. Иногда с ним ходила моя мама. За работу платили небольшие деньги и давали по мешку дров, дрова увозили на саночках. Милые детские саночки! Вы стали главным транспортом города. На вас возили дрова, какой-то домашний скарб и ушедших из жизни горожан, которых зашивали в простыни или одеяла, иногда оставляли на улицах, иногда отвозили туда, где беспрерывно горели печи крематориев. Сколько же их было!

У меня была обязанность – обеспечение водой. В первом дворе нашего дома остался с мирного времени пожарный кран, в определенное время его открывали и жильцы шли за водой. Постепенно двор превратился в каток, а вокруг крана образовались наледи. Трудная это была задача, но четыре ведра требовались каждый день. По вечерам мы все собирались в бабушкиной комнате у нагретой печки, и начинался обмен домашними и городскими новостями. Вспоминали мирное время, последнее лето, которое провели вместе на даче. Мы радовались каждой победе на фронтах. Немцы застряли в снегах Ленинграда, даже мало бомбили и реже обстреливали. Видимо, были уверены, что мы и так вырем, погибнем за эту зиму, и они без всякого сопротивления займут Ленинград. Не вышло!

Мы поддерживали связь с остальными родственниками, ходили на Смольный, посещали семью Соковых, сестер моего отца, которые жили на 9-й Советской. Они тоже как-то выживали. Связь между родственниками поддерживал чаще всех мой дядя – Хазов Борис Михайлович, он работал в Ленэнерго дежурным мастером. Работа была сложная и ответственная – он должен был постоянно поддерживать наличие электроэнергии на жизненно необходимых объектах. Несмотря на лютые обстрелы и бомбежки, свет должен быть там, где он должен быть. Дядя Боря почти не бывал дома, целые сутки проводил в разъездах на машине. Иногда он проезжал мимо дома кого-нибудь из родственников и забегал на минуточку, чтобы узнать, как и что у них. Пока все держались.

Мой дядя Б.М. Хазов был награжден в 1944 году не только медалью «За оборону Ленинграда», но высшей наградой того времени – Орденом Ленина.

В первой половине января первой свалилась я. Что со мной произошло? Напала какая-то лень и безразличие. Ничего не хотелось делать. Не хотелось вставать с кровати, умываться, даже есть. Видимо, взрослые знали, что это означает. Мама тут же о чем-то посоветовалась с крестным. Он дал ей свои часы, мама сняла обручальное кольцо и отправилась куда-то вместе с ним. Когда они вернулись, выложили мне на столик буханку хлеба и три больших куска сахара (из тех, что когда-то кололи щипчиками). «Что это?» – только и смогла сказать я. «Это тебе, ты должна разделить это на семь частей и съесть за неделю, не сразу», – ответила мама. «Никогда и ни за что я не буду есть одна. Раздели на всех», – был ответ. Мама бросилась к брату: «Поговори с ней, она отказывается есть». Дядя Ваня подошел ко мне и непривычно резко и грубо

сказал мне: «Жри, тебе говорят, а то сдохнешь». «Ну, уж насчет «сдохнешь», не выйдет», – подумала я. Как я позже читала, дети вообще не верят в свою смерть. Но в наших семьях уважение к старшим было законом, законом было и послушание. Пришлось выполнить приказ, хотя он вставал мне поперек горла. Тогда я и вправду не понимала, что я на краю смерти.

Но случилось чудо, приехал, вернее, пришел мой отец. Это случилось в двадцатых числах января. Вначале я рассказывала о том, что мой отец был на сборах, а потом пропал. Писем не было. Оказалось, что письма просто не доходили, так как началась блокада. Папа был направлен на аэродром специалистом по связи в чине капитана. Тот аэродром располагался по другую сторону блокадного кольца. Папа очень волновался за нас, и так как на этом аэродроме служили еще призывники из Ленинграда, они вместе решили наладить собственную связь. Пешком через два фронта они по очереди пробирались в город к своим семьям. Офицеры кроме котлового довольствия получали еще каждый месяц сухой паек. Это были макароны, сахар, чай, консервы. И еще можно было купить что-нибудь съедобное у местных жителей.

Первым в опасный путь отправился мой папка, нашел нас и, пока наши готовили прием, обошел еще три адреса с такими же посылками в санках. Итак, с повестки дня была снята моя смерть.

Каждый месяц приезжал кто-нибудь с Большой земли и привозил «приварок». Мы делились этим приварком не только с теми, у кого жили, но мама относила часть его в семью своей сестры и в семью папиных сестер.

«Приварок» был невелик, но все-таки был, и это помогало выживать. Самые страшные месяцы – январь и февраль – были позади. Постепенно улучшалась жизнь, увеличивались пайки хлеба (каждый месяц на 50 граммов). Это было немного, но увеличивались, а не уменьшались.

Стало теплеть на улице, наступала весна. Но она несла с собой новую страшную опасность – эпидемии.

В городе в течение нескольких месяцев не работали водопровод и канализация. Всё приходилось выносить и выливать на улицы. На улицах лежали трупы, кое-где они были сложены штабелями, чаще они

просто утопали в сугробах вдоль улиц. Из-за холода, обилия снега, отсутствия сил успевали убирать далеко не всех. Разбитые бомбежкой и обстрелами дома, грязный тающий снег, неубранные трупы – всё грозило новой волной вымирания жителей города. Теперь уже не от голода, а от страшной антисанитарии. Надо отдать должное и низко поклониться людям, которые тогда возглавляли город и его хозяйство.

Был отдан строжайший приказ об обязательном участии всех горожан, начиная с 12 лет, в уборке города и расчистке завалов. Работать должны были ежедневно по 4-5 часов. Казалось невероятным выполнение этого приказа. Люди-тени, едва державшиеся на ногах, и физическая работа по пять часов в день. Везде, повсеместно, силами всех оставшихся в живых. Наказание за уклонение от исполнения приказа – лишение продовольственных карточек. Жестоко? Да! Безусловно! Но если бы жители не вышли на уборку, они погибли бы. Другой людской силы в осажденном Ленинграде не было. Вышли, начали работать. Лом с трудом можно было поднять вверх, но ударить уже не было сил. Он просто скользя вниз, падал и делал свое дело. Метлы, ведра, лопаты, тележки постепенно сроднились с нами, стали нашими помощниками. И, сначала медленно, потом всё быстрее шла каждодневная работа. Город поддавался своим работникам с видимым удовольствием. Весна стояла яркая, добрая. Солнце помогало растапливать ледяные наросты и снег. Мы и сами не заметили, как нас уже окружал чистый, похорошевший город. Были разобраны разрушенные дома, обрушенные частично затянуты холстом или защиты фанерой, выкрашены под цвет фасадов. На холсте и фанере нарисованы окна. Город снова приобретал свой прежний вид. Уже с апреля пошли трамваи. Вот так-то, господа-захватчики! А вы так надеялись на тотальную гибель жителей Ленинграда. Защитникам увеличивали нормы выдачи продуктов питания. Распределяли земельные участки под огороды. Повсюду, включая Летний сад, копошились огородники. Им раздавали пакетики с семенами. Особенным спросом пользовался турнепс. Наиболее неприхотливое, быстро созревающее и крупноплодное растение. Появились плакаты: «Все на огороды». У нас с мамой тоже был небольшой участок земли. Огородники мы были еще те, но всё же что-то выросло. Собирали по окраинам города крапиву, щавель и другие съедобные травы. Варили из них щи. Витамины! А зимой витаминный настой делали из хвои ели. В нашей семье произошли изменения. 5 мая 1942 года умерла моя бабушка. Ее похоронили на фамильном участке Охтинского кладбища. Гроб ей сколотили ее сыновья из платяного шкафа. Они же сами вырыли могилу. Пришли на похороны все родственники. Был приглашен священник (бабушка моя была верующим человеком). Бабушкин муж, мой дед, Хазов Михаил Иванович, умер в 1915 году от сердечного приступа. 43-х лет от роду он был личным почетным гражданином г. Санкт-Петербурга.

Ушли на фронт мой крестный и его сын Миша. Вернулся из экспедиции муж моей двоюродной сестры Григорий Петрович Мазуров. Моя мама легла в стационар (сказалась уборка города). Гришенька привез целую канистру топленого масла, и все мы вспомнили восхитительный вкус этого лакомства. После возвращения мамы из больницы мы переехали на Смольный проспект. Через 3 месяца можно было снова идти учиться в свою 156-ю школу. К июню еще увеличились нормы выдачи продуктов питания. Выдавали даже шоколад кусковой и меланж (консервированные куриные желтки). Это присылали нам из Америки. Был заключен договор о взаимопомощи между СССР, Англией и США. Открытие второго фронта всё откладывалось, но поставлялись вооружение и продукты питания. Так наши союзники платили нам за огромные людские потери. Здесь, по справедливости, нужно сказать, что гибли и британские суда, на которых перевозили материальную помощь.

Я пишу и сама удивляюсь тому, как ясно и четко всплывают воспоминания о той поре. Есть мнение, что дети, с одной стороны, легче воспринимают чрезмерное горе и бедствия, обрушиваемые на них – это как бы защитная реакция неокрепшей психики, а с другой стороны, они хорошо помнят все события этого времени, даже лучше, чем старшее поколение.

Наступило 1 сентября, и мы пошли в нашу школу. В школе было чисто, достаточно тепло. Классы были маленькими – 15-20 человек. У нас остался только один пятый класс. Интересно снова быть вместе, хотя состав класса сильно изменился. Учились мы не блестяще, больше шалили. Учителя нас не очень нагружали и не отчитывали, видимо, понимали, что неосознанно бродили в наших умах и душах счастье и радость. Мы выжили и снова сидим за партами. Быстро пробежал учебный год.

Мама работала, получала рабочую карточку и небольшую зарплату. Папа писал нам письма и высылал деньги. Весь наш женский состав семьи работал. Росла племянка Милочка. Жили дружно и счастливо. Еще бы! Выжили!

В конце мая в школе объявили, что нас всех, кому исполнилось 12 лет, посылают на 4 месяца в Невский лесопарк на сельхозработы. Моя мама заявила наотрез, что она меня никуда не пустит: «Ты ведь чуть не умерла, а теперь у тебя и сил-то нет работать». Распоряжение было обязательным для всех учеников, и мама пошла на прием к директору школы. Вернулась она скоро, явно обескураженная. На все ее речи директор школы сказал только одно: «Она у вас едва не умерла, но не умерла. Жива! А вы знаете, сколько умерло детей из нашей школы? Приказ есть приказ, и никто освобожден не будет. Идите и собирайте свою дочь. Отъезд послезавтра».

Послезавтра уехали только наши вещи, а все мы, построившись отрядами по классам, вместе с учителями и пионервожатыми (учениками старших классов) пешком отправились от Охтинского моста по берегу Невы в Невский лесопарк. Шли мы долго, если не ошибаюсь, часа четыре. Пришли, наконец. Нас ждали палатки и бараки с лежанками, умывальниками на улице и расчищенная площадка. На ней два раза в день ежедневно проходило построение отрядов: утром, после завтрака, старшим по отрядам (командирам)

раздавали задание на день. Если место назначения находилось рядом, шли пешком, если подальше – отвозили на автобусе. Работали мы по 6 часов: с 9.00 до 13.00, затем у нас был час на обед и перерыв на отдых. С 14.30 до 16.30 – продолжение работы. В 16.30 мы возвращались в лагерь, мылись, переодевались, приводили себя в порядок и шли на ужин. В 19.00 – вечерняя линейка, на которой каждый командир отряда докладывал о выполнении задания. Назывались фамилии и имена передовиков. Это было очень важно. Тот, кто перевыполнил план, имел право пойти в субботу вечером домой и еще получал стакан натурального молока. Да и чувство гордости за себя было не последним.

Домой мы уходили в субботу с пионервожатой, приходили во второй половине дня, а уже на другой день к четырем часам должны были быть у школы, где нас ждала наша пионервожатая. Мы вместе направлялись в лагерь. Вся организация лагерной жизни была продумана и проведена прекрасно. Вначале нам трудно было привыкать к ежедневной физической работе: кружилась голова, болели руки и ноги, видимо, от слабости, даже лучи солнца казались голубоватыми. Но постепенно всё это стало проходить, мы были всё время на воздухе. Лето было прекрасное, теплое и солнечное. Рядом текла Нева. Нам разрешали под присмотром старших купаться. Мы играли в мяч, шалили, дружили и были очень добры друг к другу. Кормили нас кашами, хлебом, мясными супами, чаем с сахаром, свежими овощами, которые уже начали созревать. Мы постепенно крепили, набирались сил. Да и пользы от нас становилось всё больше и больше. План по уборке овощей был выполнен и перевыполнен.

Во второй половине сентября мы вернулись в город. На сборе в школе нам объявили, что по результатам выполнения сельскохозяйственных работ наша школа получила переходящее Красное знамя, а все участники сельхозработ, учителя и ученики, получают медали «За оборону Ленинграда». Конечно, мы были горды и счастливы. Единственное, что омрачало мое настроение – это известие о том, что нам надо покидать Смольный проспект. Здание Смольного окончательно стало административным центром города, все окрестные дома расселялись, чтобы освободить площадь под жилье работникам Смольного. Маме дали ордер на квартиру в доме по улице Маяковского, дом 1. Мы снова вернулись в дом, где она родилась. Жаль только, что квартира была коммунальная. Но зато мы обрели возможность ежедневных контактов с нашими родными, у которых прожили блокадную зиму. Учебный год шестого класса мне пришлось начинать в новой школе. Шел сентябрь 1943 года. Позади (18.01.1943) был прорыв блокады. Впереди предстояло освобождение пригородов Ленинграда (24.01.1944) и окончательное снятие блокады 27 января 1944 года.

Что было дальше? Другой разговор, другие воспоминания. Из двух семей моих родственников, переживших блокаду, в живых осталось только трое: это я, Дыгина Маргарита Сергеевна, мой брат Хазов Дмитрий Борисович (работает и сейчас, такой же умелец, как и его отец) и наш блокадный ребенок Милочка (кандидат наук, работает в НИИ). Мы все трое низко кланяемся нашим родным, уже ушедшим из жизни, и благодарим их за то, что они были. Для нас свята память о них. Я сознательно написала имена, отчества и фамилии своих близких. Мне хотелось, чтобы они ожили хотя бы в этом очерке и их имена сохранились бы не только на могильных крестах.